

**Изуверский
интернат**

Посвящается Беатрис

*Ты навсегда останешься в моем сердце,
в моей памяти —
и в своей могиле*

Дорогой читатель,

если вы ждете рассказа о жизнерадостных ребятах, которые весело проводят время в интернете, то обращайтесь за этим куда-нибудь еще. Вайолет, Клаус и Солнышко Бодлер — дети умные и находчивые, и можно было бы подумать, что в школе у них все пойдет хорошо. Но нет. Школа для Бодлеров обернулась еще одним горестным эпизодом в их несчастливой жизни.

Если быть точным: на протяжении всех глав, составляющих эту ужасную повесть, дети имеют дело с крабами, щелкающими острыми клешнями, с жестокими наказаниями, каплющей плесенью, общеобразовательными экзаменами, скрипичными концертами, ОСПА и метрической системой.

Я считаю своим священным долгом не спать ночами, расследуя и описывая историю трех незадачливых детей, но вам ничто не мешает вести более приятный образ жизни и ночью крепко спать. Но тогда надо выбрать для чтения другую книгу.

Со всем подобающим почтением,

Лемони Сникет

Глава
ПЕРВАЯ

ЕСЛИ БЫ вам довелось награждать золотой медалью какого-то наименее симпатичного представителя человечества, медаль пришлось бы отдать особе по имени Кармелита Спатс, а если бы не отдали, то она все равно у вас бы ее вырвала — уж к такой породе людей она принадлежала. Кармелита Спатс была грубая, она была агрессивная, и она была грязная. По правде говоря, мне и самому досадно, что я вынужден описывать ее; в этой истории столько всего огорчительного, что лучше бы обойтись без упоминания столь неприятной особы.

Но, слава богу, герои этой истории — бодлеровские сироты, а не отвратительная Кармелита Спатс, и если бы золотую медаль захотели дать Вайолет, Клаусу и Солнышку, то она причиталась бы им за стойкость перед лицом превратностей судьбы.

«Превратности судьбы» означают здесь «невзгоды», и мало найдется в мире людей, которым на долю выпа-

ло бы столько превратных невзгод, они повсюду преследовали этих троих детей. Невзгоды начались в тот день, когда, играя на пляже, они получили горестное известие о гибели родителей во время страшного пожара, в результате чего их отослали жить у дальнего родственника, Графа Олафа.

Если бы вам захотелось наградить золотой медалью Графа Олафа, пришлось бы спрятать ее под замок до церемонии награждения, потому что Граф Олаф, алчный злодей, попытался бы украсть ее до этого события. Золотой медали у бодлеровских детей не было, но они обладали огромным состоянием, доставшимся им в наследство от родителей, это состояние и пытался присвоить Граф Олаф. Детям пока удалось уцелеть, хотя и с невероятным трудом, но Граф Олаф следовал за ними повсюду, да еще в сопровождении одного или нескольких зловещих и уродливых приспешников. Кто бы ни становился опекуном Бодлеров, там каждый раз объявлялся Граф Олаф и творил такие гнусности, что и перечислять-то их тяжело: киднепинг, убийство, угрожающие звонки по телефону, переодевания, яд, гипноз и отвратительная еда — вот лишь некоторые из невзгод, которые по милости Графа Олафа претерпели бодлеровские сироты. Что еще хуже, у него была дурная привычка каждый раз избегать ареста, поэтому он неизменно объявлялся снова. Поистине ужасно, что вся история повторяется опять и опять, но уж что есть, то есть.

Я рассказываю о том, как именно разворачивается эта история, лишь потому, что сейчас вам предстоит познакомиться с грубой, агрессивной и грязной Кармелитой Спатс, и если вам невыносимо читать про нее, лучше отложить эту книгу в сторону и почитать что-нибудь другое, поскольку дальше все пойдет еще хуже. Очень скоро Вайолет, Клаусу и Солнышку достанется столько невзгод, что тычок, полученный ими от Кармелиты, покажется им походом в кафе-мороженое.

— Прочь с дороги, кексолизы несчастные! — крикнула грубая, агрессивная и грязная девчонка, отпихивая бодлеровских сирот.

Вайолет, Клаус и Солнышко так оторопели от неожиданности, что никак не реагировали. Они стояли на пешеходной дорожке, выложенной кирпичами, очень старой, судя по тому, что повсюду пробивался густой темный мох. С обеих сторон дорожки простиралась лужайка такого бурого цвета, что ее, казалось, никогда в жизни не поливали. На лужайке сотни детей бежали во всех направлениях. Иногда кто-то спотыкался и падал, но тут же вскакивал и опять принимался бегать. Беготня эта казалась изнурительной и бессмысленной, а того и другого лучше избегать, но Бодлеры едва взглянули на бегающих детей, они не отрывали глаз от поросших мхом кирпичей.

Застенчивость — странная штука. Она возникает вдруг, как зыбучие пески, и так же, как зыбучие пески, вынуждает своих жертв смотреть себе под ноги. Бодлерам предстоял первый день в Пруффрокской под-

готовительной школе, и всем троим вдруг захотелось смотреть на лезущий между кирпичами мох, а не на то, что их окружало.

— Вы что-то уронили? — осведомился мистер По, кашляя в белый носовой платок.

Бодлерам в первую очередь не хотелось смотреть на мистера По, идущего позади них. Мистер По был банковским служащим, которому после страшного пожара поручили заботиться о делах Бодлеров, и хуже нельзя было придумать. Намерения у мистера По были хорошие, но и у банки с горчицей тоже, вероятно, намерения хорошие, и, возможно, она лучше справилась бы с задачей защитить детей от опасности. Вайолет, Клаус и Солнышко давно уже знали: в отношении мистера По на одно только можно твердо рассчитывать — он непременно закашляется.

— Нет, — ответила Вайолет, — мы ничего не роняли.

Вайолет, старшая из бодлеровских сирот, как правило, не отличалась застенчивостью. Она любила изобретать. Ее часто заставляли глубоко задумавшейся над каким-нибудь изобретением, и при этом волосы у нее были высоко подвязаны лентой, чтобы не лезли в глаза. Когда изобретение было закончено, она любила показать его своим знакомым, на которых ее мастерство обычно производило большое впечатление. В данный момент она созерцала кирпичи, обросшие мхом, и обдумывала идею машины, которая не давала бы дорожке зарастать, но говорить об этом ей не

хотелось, потому что она нервничала. А вдруг никого из учителей, учеников или администрации не заинтересует ее изобретение?

Словно прочитав ее мысли, Клаус положил ей руку на плечо, и Вайолет улыбнулась. За свои двенадцать лет Клаус уже усвоил, что на старшую сестру рука на плече действует успокаивающе (в том случае, конечно, если рука дружеская). При обычных обстоятельствах Клаус еще и сказал бы какие-то успокаивающие слова, но на сей раз он оробел, как и его сестры. Клаус по большей части проводил время за любимым занятием, а именно за чтением книг. Порой утро заставало его спящим с очками на носу, — значит, он читал до поздней ночи и до того устал, что забыл их снять. Глядя себе под ноги, Клаус вспомнил, что читал книжку под названием «Тайны мха». Но сейчас из робости ничего не сказал о ней. А вдруг в Пруфрокской подготовительной школе нет интересных книг?

Солнышко, младшая из Бодлеров, подняла голову и поглядела на старших. Вайолет улыбнулась и взяла ее на руки. Сделала она это без труда, так как Солнышко, совсем почти младенец, была чуть больше каравая хлеба. Она тоже слишком нервничала, чтобы говорить, хотя ее вообще было трудно понять в тех случаях, когда она говорила. Сейчас, например, не оробей Солнышко, она вполне могла бы открыть рот, обнаружив свои четыре острых зуба, и произнести «Маримо!», что, возможно, означало бы: «Надеюсь, в школе най-

дется что кусать, ведь кусать предметы одно из моих любимых занятий!»

— Я понимаю, отчего вы все притихли, — сказал мистер По. — Вы взволнованы, и я вас не осуждаю за это. В детстве я всегда мечтал учиться в школе-интернате, но мне не представилось такого случая. Признаюсь, мне даже немного завидно.

Бодлеры переглянулись. Именно то, что Пруфрокская подготовительная школа оказалась интернатом, и заставляло их особенно нервничать. Если изобретения там никого не интересуют, если читать там нечего и кусать запрещено, то скучать им придется не только днем, но и ночью. А если мистеру По в самом деле так завидно, вот бы и учился в Пруфрокской школе, а они бы служили в банке.

— Вам очень повезло, что вы попали сюда, — продолжал мистер По. — Мне пришлось обзвонить четыре школы, пока я нашел именно эту, где приняли всех троих вместе, причем не потребовав подать заявление заранее. Пруфрокская подготовительная — отличный интернат. Все учителя с учеными степенями. Спальни прекрасно обставлены. А главное, там имеется усовершенствованная компьютерная система, которая поможет уберечь вас от Графа Олафа. Завуч Ниро сообщил мне, что полное описание внешности Олафа — от единственной длинной брови и до татуировки в виде глаза на щиколотке левой ноги — внесено в компьютер, так что на ближайшие несколько лет вы здесь в полной безопасности.

— Каким образом компьютер может уберечь нас от Графа Олафа? — с недоумением спросила Вайолет, по-прежнему глядя в землю.

— Но ведь компьютер усовершенствованный, — сказал мистер По таким тоном, будто это все объясняло, хотя речь шла просто о компьютере нового поколения. — Не забивайте себе голову мыслями о Графе Олафе. Завуч Ниро пообещал мне не спускать с вас глаз. В конце концов, в таком продвинутом заведении не допустят, чтобы по территории свободно разгуливали чужие.

— Прочь с дороги, кексолизы! — И мимо них опять промчалась грубая, агрессивная, грязная девчонка.

— Что значит «кексолизы»? — шепотом осведомилась Вайолет у Клауса, который располагал богатейшим запасом слов благодаря чтению книг.

— Не знаю, — признался Клаус, — но явно не очень приятное.

— Какое очаровательное слово. Кексолизы... — проговорил мистер По. — Не знаю, что оно значит, но напоминает мне о чем-то вкусном. Ну вот мы и пришли.

Поросшая мхом дорожка кончилась, они очутились перед школой. Бодлеры наконец подняли глаза и ахнули от удивления, увидев свой новообретенный дом. Если бы они не смотрели себе под ноги, пока шли через лужайку, то давно бы увидели, как выглядит интернат. А впрочем, может, и к лучшему было не смотреть на него как можно дольше. Тот, кто проектирует здания, называется архитектором, но в данном случае

автора Пруфрокской подготовительной школы уместнее было бы назвать «архитектор-меланхолик». Школа состояла из нескольких зданий — все как одно из гладкого серого камня, — выстроившихся неаккуратной линией. Чтобы попасть внутрь зданий, следовало пройти под громадной каменной аркой, отбрасывающей на лужайку изогнутую тень, похожую на радугу, у которой все цвета заменили на серый или черный. На арке чернела огромная надпись «Пруфрокская подготовительная школа», а ниже, помельче, стоял девиз школы «Memento mori»¹. Но не здания и не арка заставили детей ахнуть, а форма зданий: высокие, прямоугольные, с закругленным верхом. Сиротам сразу пришло в голову нечто имеющее именно такую особенную форму. Каждое здание выглядело точь-в-точь как надгробие.

— Довольно странная архитектура, — заметил мистер По. — Дома торчат, как большие пальцы. Так, а теперь вы должны немедленно представиться завучу Ниро. Кабинет на девятом этаже главного здания.

— Разве вы не подниметесь с нами, мистер По? — спросила Вайолет. Конечно, ей было уже четырнадцать, достаточно, чтобы самостоятельно явиться в чей-то кабинет, но как-то страшновато без сопровождения взрослых входить в здание такого зловещего вида.

Мистер По покашлял в платок и одновременно взглянул на часы.

---

¹ Помни о смерти (лат.). (Здесь и далее примеч. перев.)

— Боюсь, я не успеваю, — ответил он, справившись с кашлем. — Рабочий день в банке уже начался. Я ведь уже обговорил все детали с завучем Ниро, и, если возникнут какие-то сложности, помните, вы всегда можете связаться со мной или с любым моим сотрудником в Управлении Денежных Штрафов по телефону. Желаю вам чудесно провести время в Пруфрокской подготовительной школе.

— Надеюсь, так и будет, — отозвалась Вайолет с напускной храбростью. — Спасибо за все, мистер По.

— Да, спасибо вам, — повторил вслед за ней Клаус, пожимая руку мистеру По.

— Терфант, — сказала Солнышко, что заменяло ей «спасибо».

— Всегда к вашим услугам, — отозвался мистер По. — До свидания.

Он кивнул Бодлерам, и Вайолет с Солнышком провожали его взглядом все время, пока он шел по мшистой дорожке, стараясь не столкнуться с бегающими детьми. Но Клаус не смотрел ему вслед — он не сводил глаз с громадной арки.

— Может, я и не знаю, что значит «кексолизы», — сказал он, — но я берусь перевести девиз нашей новой школы.

— Как-то не похоже на английский. — Вайолет задрала голову кверху.

— Рачо, — согласилась Солнышко.

— Это не английский, это латынь, — подтвердил Клаус. — Девизы почему-то часто пишутся на латин-

ском. Я точно помню, что прочел эту фразу в книге о Средних веках. Если она значит то, что я думаю, девиз, прямо скажем, странный.

— И что же, ты думаешь, он значит? — поинтересовалась Вайолет.

— Если не ошибаюсь, — а Клаус редко ошибался, — «Memento mori» означает «Помни, что ты умрешь».

— Помни, что ты умрешь, — тихонько повторила Вайолет, и трое сирот сделали шаг поближе друг к другу, как будто им стало холодно.

Разумеется, каждый человек рано или поздно умрет. Цирковой артист умрет, и кларнетист умрет, и мы с вами умрем, и, возможно, человек, живущий в одном квартале с вами, как раз сейчас не посмотрел в обе стороны, переходя через улицу, и умрет через несколько секунд под автобусом. Словом, всех людей ожидает смерть, но никому не нравится, чтобы ему все время об этом напоминали. И детям тоже не хотелось об этом помнить. Тем более в тот момент, когда они проходили под аркой Пруфрокской подготовительной школы. Сиротам незачем было напоминать об этом в их первый день на гигантском кладбище, ставшем отныне их домом.

Глава
ВТОРАЯ

СТОЯ перед дверью в кабинет завуча Ни-ро, бодлеровские сироты вспомнили кое-что из сказанного отцом за несколько месяцев до смерти. Как-то вечером родители Бодлер отправились на симфонический концерт, а дети остались одни в большом семейном доме. У них в таких случаях сложилась определенная традиция: сперва Вайолет и Клаус садились сыграть несколько партий в шашки, а Солнышко в это время рвала старые газеты. Потом все трое читали в библиотеке и засыпали прямо там, на уютных диванах. Вернувшиеся с концерта родители будили детей, немножко раз-

говаривали о проведенном вечере и отсылали их спать. Но в тот именно вечер родители вернулись домой рано, когда дети еще читали (вернее, читали старшие, а Солнышко рассматривала картинки). Отец остановился в дверях библиотечной комнаты и сказал следующее, что не забылось до сих пор.

— Дети, — сказал он, — нет худших звуков на свете, чем звуки скрипки, когда на ней играет человек, который не умеет играть, но упорно продолжает это делать.

Тогда дети только хихикнули, но сейчас, когда они стояли перед дверью завуча, они оценили, насколько прав был их отец. Сперва им показалось, будто там, за толстой деревянной дверью, какое-то мелкое животное закатило истерику. Но, прислушавшись, они поняли, что кто-то, не умеющий играть на скрипке, упорно продолжает это делать. Скрипка визжала, шипела, скрипела, стонала и производила всякие другие ужасающие звуки, не поддающиеся описанию. Наконец Вайолет не выдержала и постучалась. Стучать пришлось очень громко, чтобы за дверью услышали, несмотря на неумолкающий отвратительный концерт. Наконец деревянная дверь со скрипом отворилась, и показался высокий разгневанный мужчина со скрипкой, прижатой к щеке.

— Кто смеет прерывать гения, когда он репетирует? — провозгласил он таким рокочущим голосом, что любой бы оробел, услышав его.

— Это мы, Бодлеры, — тихо ответил Клаус, глядя в пол. — Мистер По велел нам идти прямо в кабинет завуча Ниро.

— *Мистер По велел нам идти прямо в кабинет завуча Ниро*, — передразнил мужчина высоким пронзительным голосом. — Ну так входите скорее, у меня и другие дела есть.

Дети вошли в кабинет и тут смогли получше разглядеть человека, который их передразнил. На нем был помятый коричневый костюм, к пиджаку что-то прилипло, галстук пестрел изображениями улиток. Нос был такой маленький и красный, как будто в середину лица, и без того покрытого какими-то пятнами, вклеили мелкий помидор. На почти лысой голове торчало четыре пучка волос, которые он заплел в косички и перевязал резинками. Бодлерам еще никогда не приходилось видеть человека такой наружности, и на него и смотреть-то не очень хотелось. Но кабинет был настолько тесный и пустой, что поневоле взгляд все время попадал на него. В комнате стоял только небольшой металлический столик, небольшой металлический стул рядом и сбоку на столе — небольшая металлическая лампа. На единственном окне висели занавески такого же рисунка, что и галстук. И еще одно: в углу комнаты, точно жаба, сидел сверкающий компьютер. Экран был пустой, серый, а кнопки красные, как и нос у человека с косичками.

— Дамы и господа! — громко провозгласил тот. — Завуч Ниро!

Наступило молчание, дети оглядели комнатку, недоумевая, где может скрываться Ниро. Затем они снова обратили взгляд на мужчину с косичками, который поднял обе руки вверх, так что скрипка и смычок почти касались потолка. И тут они догадались, что Ниро, которого он так величественно представил им минуту назад, он сам и есть. Ниро помолчал немного и обратил суровый взор на Бодлеров.

— Есть такая традиция, — сказал он осуждающим тоном, — аплодировать, когда представляют гения.

Разумеется, традиция еще ни к чему не обязывает. Пиратство, например, тоже можно назвать традицией, оно существовало сотни лет, но это не значит, что мы все должны нападать на суда и грабить их. Однако завуч Ниро так рассвирепел, что дети почли за лучшее соблюсти традицию и зааплодировали. Они хлопали до тех пор, пока Ниро, несколько раз поклонившись, не уселся на стул.

— Благодарю вас, добро пожаловать в Пруфрокскую подготовительную школу, и ла-ла-ла. — Этим он хотел показать, что ему просто лень как следует заканчивать фразу. — По сути, я делаю мистеру По одолжение, принимая трех сирот так сразу. Он заверил меня, что вы не причините особых хлопот. Но я и сам провел некоторые расследования. Вас посылали от одного законного опекуна к другому, и всякий раз за этим следовали невзгоды. Кстати, невзгоды — это означает «несчастья».

— В нашем случае, — сказал Клаус, не указывая на то, что он сам знает значение слова «невзгоды», — они

означают «Граф Олаф». Именно он был причиной всех несчастий, постигавших наших опекунов.

— *Именно он был причиной всех несчастий, постигавших наших опекунов,* — передразнил противным голосом Ниро. — Откровенно говоря, меня не интересуют ваши проблемы. Я — гений и, кроме скрипки, ни на что не могу тратить время. Достаточно удручает уже то, что мне пришлось взять на себя обязанности завуча, но как быть, если ни один оркестр не оценил моего таланта. И я не собираюсь еще больше удручать себя выслушиванием проблем трех сопляков. Как бы то ни было, в Пруфрокской подготовительной школе вам не удастся свалить собственные недостатки на так называемого Графа Олафа. Глядите.

Ниро шагнул к компьютеру и стал жать на две кнопки. Экран засветился светло-зеленым светом, как будто страдал от морской болезни.

— Это усовершенствованный компьютер, — продолжал Ниро. — Мистер По сообщил мне необходимые данные о человеке, которого вы именуете Графом Олафом, и я внес их в программу. Видите? — Ниро нажал еще одну кнопку, и на экране возникло небольшое изображение Графа Олафа. — Теперь, когда усовершенствованный компьютер о нем знает, вам нечего беспокоиться.

— Но каким образом компьютер может не подпускать к нам Графа Олафа? — спросил Клаус. — Что бы ни появлялось на экране, Графу Олафу ничто не мешает объявиться тут и устроить неприятности.

— Я не собираюсь утруждать себя объяснениями, — заявил Ниро. — Все равно таким невеждам, как вы, не понять гения. Ну ничего, Пруфрокская подготовительная позаботится об этом. Уж тут вас заставят получить образование, даже если придется применить насилие. Кстати говоря, надо вам все показать. Подойдите к окну.

Бодлеры подошли к окну и взглянули вниз, на бурю лужайку. Отсюда, с высоты девятого этажа, бегущие внизу дети казались муравьями, а пешеходная дорожка выглядела как брошенная лента. Ниро стоял позади детей и указывал на все скрипкой.

— Итак, здание, в котором вы сейчас находитесь, является административным. Вход сюда учащимся строго воспрещен. Сегодня вы тут впервые, так что я вас прощаю, но если появитесь еще раз, вам запретят пользоваться за едой серебряными вилками и ложками. Вон в том сером здании находятся учебные классы. Ты, Вайолет, будешь учиться у мистера Реморы, в классе номер один, а ты, Клаус, будешь заниматься в классе номер два у миссис Басс. Способны запомнить? Класс номер один и класс номер два? Если нет, тогда я напишу вам это на руке несмываемым фломастером.

— Мы способны запомнить, — торопливо ответила Вайолет. — А где классная комната для Солнышка?

Завуч Ниро выпрямился во весь свой рост, а именно один метр семьдесят восемь сантиметров.

— Пруфрокская подготовительная школа серьезное учебное заведение, а не детский сад. Я говорил

мистеру По, что ей найдется где жить, но для младенца в школе места нет. Солнышко будет выполнять для меня секретарские обязанности.

— Агрегг? — недоуменно спросила Солнышко. «Недоуменно» здесь означает «не веря своим ушам», а «агрегг» — «Как?! Не могу поверить».

— Но Солнышко совсем маленькая, — возмутился Клаус. — Маленькие дети не работают.

— *Маленькие дети не работают*, — передразнил Ниро и продолжал: — Но маленькие дети и не живут в школах-интернатах. Маленьких детей научить ничему нельзя, поэтому она будет работать на меня. Ей всего лишь придется отвечать на телефонные звонки и выполнять канцелярскую работу. Это не так уж трудно, к тому же работать на гения — большая честь. Дальше. Если кто-то из вас опоздает на урок или Солнышко опоздает на работу, вам свяжут руки за спиной во время еды и вам придется брать пищу ртом, как едят собаки. Ну и конечно, Солнышко вообще лишат привилегии пользоваться серебряной ложкой и вилок, потому она что будет работать в административном здании, куда ей вход запрещен.

— Но это несправедливо! — не удержалась Вайолет.

— *Но это несправедливо!* — пропищал завуч Ниро. — Вон в том каменном здании — столовая. За завтраком, ланчем и обедом блюда подаются быстро. Если опоздаете, у вас отберут чашки и стаканы, и тогда питье вы будете лакать прямо с подноса. Вон то прямоугольное здание с закругленным верхом — боль-

шой зал. Каждый вечер я даю там шестичасовой скрипичный концерт, присутствие считается обязательным. Слово «обязательный» означает, что в случае отсутствия вам придется купить мне большой кулек карамелей и наблюдать, как я их съем. Лужайка служит спортивным залом. Наша постоянная учительница гимнастики мисс Тенч несколько дней назад нечаянно выпала из окна третьего этажа, но мы нашли замену, и учитель вот-вот придет. А пока я распорядился, чтобы дети взамен уроков гимнастики просто бегали как можно быстрее туда-сюда по лужайке. Вот, пожалуй, и все. Есть вопросы?

«Что может быть хуже всего этого?» — хотела спросить Солнышко, но хорошее воспитание не позволило ей задать такой вопрос. «Что за жестокие, несусветные наказания и правила? Вы, наверное, шутите?» — хотелось спросить Клаусу, но он и так знал, что ответ будет: «Нет, не шучу». Одна Вайолет придумала вопрос, который стоило задать.

— У меня есть вопрос, завуч Ниро. Где мы будем жить?

Ответ Ниро был настолько предсказуем, что они все могли произнести его хором вместе с этим ничемным администратором.

— *Где мы будем жить?* — пропищал он издевательским тоном. После чего все-таки соблаговолил ответить: — У нас в Пруфрокской подготовительной великолепное общежитие. Вы не могли не заметить серого здания, построенного целиком из камня и имеющего

форму большого пальца. Внутри есть большая общая гостиная с кирпичным камином, комната для игр и большая библиотека, где выдают книги учащимся. У каждого ученика отдельная комната, и каждую среду туда ставится ваза со свежими фруктами. Ну как, нравится вам это?

— Кииб! — крикнула Солнышко, желая сказать что-то вроде: «Я люблю фрукты!»

— Рад это слышать, — продолжал Ниро. — Но только вам все это видеть почти не придется. Чтобы жить в общежитии, вы должны иметь разрешение с подписью кого-то из родителей или опекуна. Но родители у вас умерли, а мистер По говорит, что все ваши опекуны или убиты, или отказались от вас.

— Но разрешение наверняка может подписать мистер По, — высказала предположение Вайолет.

— Нет, наверняка не может, — отрезал Ниро. — Он не родитель и не опекун. Он банковский чиновник, который занимается вашими делами.

— Но ведь это почти одно и то же, — запротестовал Клаус.

— *Но ведь это почти одно и то же*, — передразнил Ниро. — Надеюсь, после нескольких семестров в Пруфрокской подготовительной вы усвоите разницу между родителями и банковским чиновником. Боюсь, вам придется жить в небольшой лачуге, сделанной целиком из жести. Там нет ни гостиной, ни комнаты для игр, ни библиотеки. Спать вы будете каждый на своей кипе сена, и — никаких фруктов. Место мрачноватое,

но, поскольку, по словам мистера По, вам не раз приходилось испытывать неудобства, я решил, что вам не привыкать.

— А вы не могли бы сделать исключение? — вежливо попросила Вайолет.

— Я скрипач! — завопил вдруг Ниро. — Мне некогда делать исключения! Я должен упражняться на скрипке! Так что будьте добры, покиньте мой кабинет и дайте мне работать!

Клаус открыл было рот, желая сказать что-нибудь еще, но, взглянув на Ниро, понял, что без толку уговаривать этого упрянца, поэтому Клаус с хмурым видом последовал за сестрами к выходу, не произнеся больше ни слова. Но когда за ними закрылась дверь, словечко сказал сам завуч Ниро и притом повторил его трижды. Выслушав эти три слова, дети поняли, что он им нисколько не сочувствует: едва они покинули кабинет, как Ниро, считая, что его никто не слышит, сказал: «Хи-хи-хи».

Правда, завуч Пруфрокской подготовительной, конечно, не сказал именно так: «Хи-хи-хи». Когда вы читаете в книге слова «хи-хи-хи», или «ха-ха-ха», или «хе-хе-хе», или даже «хо-хо-хо», это просто означает, что кто-то смеется. Однако в данном случае слова «хи-хи-хи» даже приблизительно не могут описать смех завуча Ниро. Смех был визгливый, смех был скрипучий и какой-то шершавый и даже хрустящий, будто одновременно Ниро жевал жестянку. Но что хуже всего, смех был жестокий. Вообще жестоко смеяться

* ИЗУВЕРСКИЙ ИНТЕРНАТ *

над людьми, хотя и трудно бывает удержаться, если на них, скажем, уродливая шляпа. Но ни на ком из Бодлеров не было уродливой шляпы. Они были просто дети, которые только что услышали неприятные новости, и если бы Ниро испытывал такую уж сильную потребность посмеяться над ними, ему следовало сдержаться, пока они не окажутся вне пределов слышимости. Но завуч Ниро и не собирался сдерживаться, и вот, слыша его смех, бодлеровские дети поняли, что сказанное их отцом в тот вечер, когда родители рано вернулись с концерта, неверно. Есть на свете звук хуже, чем звук скрипки, когда на ней играет не умеющий на ней играть. Визгливый, скрипучий, шершавый, хрустящий и жестокий смех завуча, смеявшегося над детьми, вынужденными жить в лачуге, был гораздо, гораздо хуже. Поэтому, когда я пишу сейчас, скрываясь в горной хижине, слова «хи-хи-хи» и когда вы, где бы вы ни скрывались, читаете слова «хи-хи-хи», знайте, что «хи-хи-хи» — худшие звуки из всех, слышанных Бодлерами.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗУВЕРСКИЙ ИНТЕРНАТ

Перевод Н. Рахмановой

5

ЛИПОВЫЙ ЛИФТ

Перевод А. Ставиской

167

ГАДКИЙ ГОРОДИШКО

Перевод Н. Рахмановой

359